

З.С. Урцмиханов

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления»

Особенности проявления экстремизма и терроризма на Северном Кавказе

В статье дается характеристика проявлениям экстремизма и терроризма на примерах республик Северного Кавказа путем сравнительного анализа, отмечаются религиозные аспекты экстремизма, а также возможности информационного противодействия экстремизму и терроризму.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, незаконные вооруженные формирования, правоохранительные органы, боевики, радикальное течение ислама, информационное противодействие экстремизму.

Северный Кавказ, да и другие южно-российские регионы несколько десятилетий сталкиваются с проявлениями экстремизма и терроризма. Это мешает развитию экономического потенциала региона и общим интеграционным процессам. Давно назрела необходимость снижения конфликтного потенциала региона, который проявляется отчасти в деятельности диверсионно-террористических групп, что приводит к переосмыслению государственной стратегии противодействия экстремизму и терроризму. Силовой подход, заключающийся в физическом уничтожении и уголовном преследовании, дополняется активной работой с гражданским обществом и, в особенности, с представителями группы риска уже внедренными в экстремистские сообщества индивидами.

Хотя, Россия в настоящее время не относится к мировым лидерам по

террористической напряженности внутри государства, таких как Афганистан (3441 терактов/2012), Ирак (2983 терактов/2012) и Пакистан (1633 теракта/2012)[1.], тем не менее, в республиках Северного Кавказа существует постоянная значительная угроза жизни и здоровью населения и национальной безопасности в целом, так как теракты осуществляются, в том числе далеко за пределами границ Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). За 2012 году в регионах СКФО произошло не менее 96 взрывов и терактов, из которых 53 - в Дагестане, 24 - в Ингушетии, 8 - в Чечне, 7 - в КБР, три – в Ставропольском крае и один – в Северной Осетии. На территории КЧР терактов не зафиксировано.

Для сравнения: в 2011 году в регионах Северного Кавказа произошло не менее 167 взрывов и терактов, из которых 86 - в Дагестане, 29 - в Ингушетии, 26 - в Чечне,

21 - в КБР, по два - в Северной Осетии и Ставропольском крае, один - в КЧР.[2.]

Потери вооруженного подполья на Северном Кавказе за 2012 год, согласно сообщениям правоохранительных органов, составили 404 человека (в 2011 году - 384), погибших в результате самоподрывов и действий силовиков. Из этого числа 231 человек приходится на Дагестан (в 2011 году - 173), 80 - на Кабардино-Балкарию (в 2011 году - 80), 40 - на Ингушетию (в 2011 году - 40), 38 - на Чечню (в 2011 году - 62), девять - на Ставропольский край (в 2011 году - 15), четыре - на Северную Осетию (в 2011 году - один) и два - на Карачаево-Черкесию (в 2011 году - 13).

Из числа сотрудников правоохранительных органов за 2012 год на Северном Кавказе в общей сложности в результате обстрелов, взрывов и боестолкновений были убиты 209 человек (в 2011 году - 190); в том числе 110 - в Дагестане (в 2011 году - 111), 43 - в Чечне (в 2011 году - 21), 33 - в Ингушетии (в 2011 году - 19), 19 - в Кабардино-Балкарии (в 2011 году - 31), три - в Карачаево-Черкесии (в 2011 году - шесть) и один - в Северной Осетии (в 2011 году жертв среди силовиков не было). В Ставропольском крае в 2012 году погибших силовиков не было (в 2011 году — два).

Это позволяет отнести регион к экстремально опасным территориям в соответствии с международным индексом безопасности.[3.]

Непосредственно на Северном Кавказе ситуация является наиболее напряженной в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии и Ингушетии, к тому же новым возможным очагом напряженности может быть Карачаево-Черкесия, которая является одним из центров распространения салафизма в начале 90-х. В целом для республик Северного Кавказа характерны небольшие, но многочисленные насильственные акции: боестолкновения, подрывы, обстрелы, направленные в первую очередь на борьбу с представителями государства – сотрудников силовых ведомств и работников

административных структур. Боевики осуществляют атаки на ведомственные здания, личные автомобили и частные домовладения. Всего в период 2010-2011 гг. погибло 453 силовика и 53 представителя власти.[4.] Мирное население так же несет значительные потери – более 350 убитых, однако стоит отметить, что мирные граждане чаще становятся «сопутствующими потерями» в рамках охоты на представителей государства.

До сих пор, несмотря на принимаемые меры в Дагестане ситуация напряжённая, даже отмечается ее рост. Количество насильственных акций в 2011 году (без учета контртеррористических операций) превысило уровень аналогичных показателей 2010 года (369/2010 г. и 399/2011 г.)[5.] В 2 раза увеличилось количество боестолкновений, превысив аналогичные показатели в Чечне, для которой в последние годы боестолкновения были характерным явлением. Однако группы боевиков, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий, на территории Дагестана не так многочисленны и включают в себя от 2-10 человек. За 2010 год было зафиксировано только 2 случая крупных боестолкновений, численность боевиков в одном из которых превышала 40 человек. В рамках борьбы с бандподпольем (2011-2012) все чаще стали использовать военную авиацию, особенно, в горных районах с ограниченной возможностью доступа и ввели в практику совместные операции по ликвидации боевиков в приграничных районах, что позволяет блокировать группы террористов в определенном районе и препятствовать их исчезновению по другую сторону межреспубликанской границы. Одной из наиболее масштабных операций, проведенных совместными усилиями правоохранительных структур Чечни и Дагестана, стала ликвидация 20 боевиков на границе Ножай-Юртовского района Чечни и Казбековского района Дагестана (13-17.02.2012.).

По-прежнему, среди духовенства под прицелом оказываются имамы мечетей, которые выступают против распространения радикальных течений ислама и преподаватели теологии, а в КБР нападения совершаются на представителей всех религиозных конфессий.[6,с.83-95]. Отмечается увеличение числа жертв среди таких групп населения, как предприниматели (в особенности владельцы продуктовых магазинов, баров, отелей), народные целители, практикующие нетрадиционную медицину, гадалки. Нападения на них по официальным заявлениям экстремистов связаны с их «греховной» деятельностью. Немаловажную роль при этом играет и криминал, который самофинансируется. Если речь идет о нападениях на торговые центры, продуктовые магазины, бары, то, как правило, осуществляются подрывы, не наносящие тяжелых повреждений зданию и продукции (у входа) как акции устрашения с целью шантажа. Участились случаи убийств охотников и лесников свидетельствуют о распространенности боевиков и их баз в лесистой местности республики.

Что касается Чеченской республики, то в целом в 2011-2012гг. характерно общее снижение напряженности. Однако количество крупных боестолкновений остается значительным. Боестолкновения, как правило, происходят в результате оперативно-розыскных мероприятий, либо при проверке информации о дислокации бандгрупп, полученной от местных жителей или задержанных ранее боевиков. Спланированные операции также имеют место быть, например, нападение на с. Центорой (Хоси-Юрт (Курчалоевский район Чеченской республики)). Численность боевиков составила 30 человек, из которых 12 было ликвидировано. Потери правоохранительных органов составили убитыми 6 сотрудников полиции, ранеными 18. Так же было ранено 7 местных жителей.

Ситуация в КБР последние 2 года остается напряженной с незначительным

уменьшением и изменением насильственной динамики в 2011-2012гг. Почти в 3 раза уменьшилось количество подрывов (90/2011 и 24/2012)[7.]. При этом взрывные устройства используют в большинстве случаев для точечных нападений на сотрудников силовых структур и представителей власти (заложение ВУ под днище личного автомобиля, подрыв частного домовладения). Частым явлением стали самоподрывы боевиков ввиду незнания мер безопасности при обращении с взрывчатыми веществами.

В целом Северному Кавказу наиболее свойствен религиозный, явно выражающийся во внутриконфессиональном конфликте между салафизмом и суфизмом, и политический экстремизм. Их объединяет одна цель – противодействие общественному устройству. Если религиозные экстремисты стремятся к изменению ценностного поля и правил взаимодействия внутри кавказского общества, то политические экстремисты ведут борьбу с государственной властью с перспективой выхода северо-кавказских республик из состава федерации. Олицетворением кавказского терроризма можно назвать международно-признанную террористическую организацию «Имарат Кавказ»[8,25-36], которая активно действовала на территории России[9.]. В своих официальных заявлениях ее лидер поддерживает протестное движение в России против правящей партии и существующего режима. К примеру, в преддверье президентских выборов он настоятельно рекомендовал не посещать избирательные участки. И несмотря на повышенные меры безопасности, экстремистам все же удалось обстрелять избирательный участок в с. Октябрьское, Дагестан (04.03.2012). Непосредственной целью атак снова объявлены все представители государства, тогда как жертвы среди населения, проявляющего свое неодобрение к правящему режиму,

должны избегаться боевыми группами. [10.].

Но вряд ли эти обещания защитят граждан от возможности очередного масштабного теракта по типу взрыва в аэропорту Домодедово (январь 2011 г., 37 погибло, 173 ранено) или двойного теракта в Махачкале (сентябрь 2011 г., 61 ранен).

Нужно отметить, что местное население устало от постоянного пребывания в состоянии страха, в связи с чем растут протестные настроения и неприятие напряженной ситуации. Прошли многотысячные митинги против распространения терроризма и экстремизма в Ингушетии (Малгобек, Карабулак, Орджоникидзевская). Однако, до сих пор наблюдается постоянный отток местного населения в незаконные вооруженные группы экстремистов. Северный Кавказ, к тому же, привлекает радикально мыслящие элементы из соседних государств, особенно из стран Центральной Азии. Вдохновленные на вооруженную борьбу они стараются найти контакты с нелегальными группами и их пособниками. К примеру, в 2011 г. в Дагестане было ликвидировано 2 боевика – гражданина Казахстана, и 8 задержано. Почему это происходит? Мы можем лишь предположить, что авторитет властных структур в республиках, действительно, не высок. Ввиду экстремальной необходимости решения проблем безопасности реакция правительства порой бывает весьма жесткой и приводит к неправомерным действиям силовых структур. Поэтому одной из сопутствующих проблем Северного Кавказа являются похищения людей, связанные с незаконными задержаниями членов бандгрупп. Процесс ареста и дознания проходит вне соответствующих правил: родственникам арестованного не сообщается причина ареста, место содержания, а в правоохранительных органах часто отрицается сам факт ареста. Как правило, подозреваемых похищают из их собственного дома или места работы группой лиц в масках и на машинах без

номеров, свидетелями таких «арестов» являются родственники, соседи и коллеги.

Среди республик по количеству похищений выделяется Чечня, особенно центральные районы. По данным правозащитных организаций, более 2000 человек были похищены в последние годы. Около 1500 исчезновений произошло на территории Чечни. Похищения происходят и в Ингушетии, и в Дагестане. Явление приняло настолько широкие масштабы, что жители готовы выходить на улицы, вступать в конфронтацию с полицией и открыто заявлять о неэффективности расследования дел об исчезновениях их родственников и знакомых. В конце марта 2012 г. в Назрани прошел несанкционированный стихийный митинг против исчезновения жителя села Плиево. Митингующие перекрыли движение на одной из центральных улиц и вступили в противостояние с полицией (арестовано 10 чел.) [11.] В ноябре этого же года митинг под лозунгом «Мусульмане против пыток и беспредела правоохранительных органов» [12.] прошел в Махачкале. Три тысячи человек, собравшихся на центральной площади, требовали уважения и защиты прав человека со стороны правоохранительных структур и активизации расследования по фактам исчезновения членов их семей. Таким образом, общество динамично реагирует на развитие ситуации и методы для ее разрешения, используемые правомочными структурами.

При нынешних информационных возможностях глобальное распространение экстремизма и терроризма как его радикального проявления постоянно провоцирует ответную реакцию государств и гражданского общества. Жесткая политика правительств в отношении людей, вовлеченных на разных уровнях в незаконную деятельность подобного рода, становится рекламой для экстремистов и вызывает углубление проблемы. К тому же экстремизм становится популярным среди молодежи, привыкшей к насилию. Доля молодых людей, участвующих в

деятельности бандподполья, в возрасте до 25 лет составляет около 30 % и ещё 50 % представителей не старше 35 лет.[13,с.24-32].

На сознание молодежи действуют посредством распространения экстремистских материалов в сети интернет и оказания идеологической поддержки заинтересовавшимся индивидам. В связи с этим важнейшей задачей государства является контроль проявлений экстремизма и распространения его идеологии. Хотя традиционным способом противодействия экстремизму является силовой метод (непосредственная ликвидация, уголовное преследование), в условиях информационного общества уничтожения уже недостаточно. На место одного ликвидированного террориста появляются другие, привлеченные из числа «симпатизирующих». Поэтому дополнением к силовому методу становятся превентивные программы по работе с гражданским обществом и программы по адаптации как один из факторов общего снижения напряженности путем постепенного отказа от агрессивной идеологии со стороны государства и экстремистских групп. Основой нового комплексного подхода должно стать использование информационных технологий и обеспечение информационной безопасности с целью противодействия экстремизму.

Важная роль в данном процессе отводится активизации работы с национальными центрами и группами, религиозными организациями, формальными и неформальными политически активными объединениями, использованию всех возможных информационных механизмов противодействия угрозе распространения среди молодежи экстремистских идей и учений, связанных как с религиозным фактором, так и с этническим, влияющих на политическую стабильность региона.

Важнейшим фактором в данном процессе является взаимодействие

государства и организаций гражданского общества.

Библиографический список:

1. База данных Национального Антитеррористического Центра Государственного Департамента США (The Worldwide Incident Tracking System (WITS))
2. База насильственных инцидентов, разработанная в рамках проекта «ГИС-терроризм на Юге России»
3. http://maplecroft.com/about/news/terrorism_index_2011.html
4. «ГИС-терроризм на Юге России»
5. «ГИС-терроризм на Юге России»
6. Урцмиханов З.С. На пути к гражданскому обществу. Научный журнал № 3-4 (7-8) 2012 год. Иваново. С 93-95
7. «ГИС-терроризм на Юге России»
8. . Урцмиханов З.С. На пути к гражданскому обществу. Научный журнал № 1-2 (9-10) 2013 год. Иваново . С 25-36
9. 8 февраля 2010 года Верховный суд РФ по заявлению Генпрокуратуры запретил деятельность Имарата Кавказ // Официальный сайт Генпрокуратуры РФ. 2010. 26 февраля.
10. Умаров приказал боевикам больше не убивать мирных граждан // <http://www.newsland.ru/news/detail/id/881900>
11. Евкуров раскритиковал несанкционированный митинг в Назрани: пропавший человек – не повод выступать//<http://newsru.com/russia/24mar2011/evkurov.html>
12. Массовые акции против похищения верующих в Дагестане набирают обороты//<http://kavkaz.ge/2011/11/25/massovye-akcii-protiv-poxishheniya-veruyushhix-v-dagestane-nabirayut-oboroty/>
13. Матишов Г.Г., Пашенко И.В. Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России//Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации, 2011, Ростов-на-Дону: СКАГС, С. 24-32

©Урцмиханов З.С., 2014